

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ый. Буэнос Айрес, суббота 26 ноября 1988 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 26 de noviembre de 1988 № 1999

КИРИЛЛ ГОЛОВИН (Москва)

ОДНО ОТЕЧЕСТВО, НО НЕ ОДНО БУДУЩЕЕ

Быстротечны юбилейные праздники... Сколько к ним готовятся, суетятся, стараются, а прошли они и, чудится, будто все мелькнуло в одночасье, мелькнуло как краткий сон. Остались воспоминания, снимки, сувениры, разговоры и еще какая-то легкая грусть от того, что долгожданное торжество кануло в прошлое навсегда и безвозвратно и повторится уже без нас, не скоро, очень не скоро.

Тысячелетие — уникальнейшая дата и сходная по значению наступит лишь через пятьсот лет. Но что тогда будет с Россией и ее народом? Уцелеет ли могучая империя или распадется на враждующие куски? Будет ли русский народ по-прежнему одним из влиятельнейших и почитаемых на мировой сцене или превратится — как некогда византийцы или позже испанцы — в изолированную и усталую нацию, в памяти которой Тысячелетие крещения будет брезжить тускло-таинственным светом былого величия?

Этот праздник для многих, особенно для скептиков, оказался совершенно неожиданно по-настоящему пышным. Еще год назад никто, даже человек с самым богатым воображением, не мог предположить, что атеистическая страна — непримиримый враг и долголетний гонитель христиан, превратит церковный юбилей в отчасти свое, государственное торжество, придаст ему внушительный размах и широкую огласку, согласившись (во многом в ущерб себе) на неизбежное последствие, — рост общественного значения Православия. Ведь еще год назад в советской прессе регулярно мелькали злобные заметки безбожников, еще год назад иерархи не смели мечтать, что они будут давать длинные интервью официальным газетам и красоваться на экранах телевизоров, с которых еще недавно слышалась одна хула на религию и верующих.

Все переменилось почти мгновенно весной нынешнего года, когда всем государственным инстанциям партия пустила приказ: содействовать проведению юбилея в качестве общенационального. Звучали, конечно, оговорки — празднуется-де юбилей русской культуры, письменности, музыки и т. п., но они сразу утонули в беспрецедентной, хотя и не безграничной, готовности идти навстречу. Те же самые советские бонзы, которые прежде и взглянуть боялись в сторону священника, вдруг, как по команде (именно по ней!) стали без усталости расточать хвалы всему церковному: от икон до святых подвижников. Вот что значит послушный аппарат: велели — исполняют не медля и из гонителей делаются охранителями.

И как ревностно исполняют! На все время Поместного собора Загорск находился на положении за-

крытого города, куда пускали только приглашенных и местных жителей. В Елоховский собор и Данилов монастырь путь богомольцам преграждали тройные кордоны милиции. В Ленинграде и Киеве милиции у соборов было больше, чем на стадионах при решающих футбольных матчах. Не забудем милицейский эскорт при переездах гостей, лучшие банкетные залы, главнейшие театры, отданные для заседаний и концертов. Как радовались сердца сельских батюшек, привыкших к постоянным унижениям, когда они видели это неслыханное уважение государства к Церкви! Правда стоило оно патриархии около миллиона в день, и этот миллион брали собственно из кармана верующих.

Что, действительно, было за счет властей, так это «паблисити». По центральному телевидению прошел документальный фильм «Храм», впервые благожелательно, хотя и с прикрасами, рассказавший о Православии; было несколько объективных интервью с духовенством, в программе новостей ежевечерне передавалась хроника празднеств. Правда, по первому каналу она шла всего три дня и непременно включала беседу с функционером-атеистом, например, пресловутым Гордиенко. Высшей точкой во всех трех городах: Москве, Ленинграде и Киеве был концерт духовной музыки, с хоругвью св. Владимира на сцене и архиереями в бывшей царской ложе, и его трансляция по стране. Казалось, мы живем в императорской России прошлого века! Что однако характерно, вся эта «религиозная пропаганда» тотчас прекратилась с окончанием торжеств и разездом гостей.

Внимательно наблюдая за торжествами, можно было заметить не одну казенно-трафаретную помпу, но и другое — как мало на них присутствовало простого верующего народа. В Елоховском соборе он составлял едва ли четверть молящихся, в Даниловом монастыре толпился на задворках, да и состоял наполовину из любопытных, не умевших лба перекрестить. Когда в 6 утра обычные верующие пришли к Владимирскому собору в Киеве, в него они почти не попали — пускали исключительно по билетам. Так было во многих местах, ибо главными участниками торжеств оказались в основном многочисленные иностранцы. Хотя народ радовался их почтению к родной Церкви и, кротко, как всегда, переносил свою второстепенную роль, ощущение досады нет-нет да прорывалось. Я сам слышал недоуменные вопросы: «Для кого собственно Тысячелетие, для нас или для этих иноверных?» Увы, было оно во многом для «этих», которые должны разнести по всему миру весть о полном благополучии Русской Православной Церкви.

Поразило внимательного наблюдателя также явное стремление вла-

стей отделить торжества от обычных советских граждан. Не было, например, ни одного крестного хода (Харчев утверждал, что его об этом не просили), не было ни одной большой общенародной службы на открытом воздухе, кроме Смоленского кладбища в Ленинграде и Данилова монастыря в Москве. Данилов укрыт высокими стенами и допускали в него тоже по билетам, а на Смоленском при прославлении блаженной Ксении Петербургской службу свели к минимуму, уложившись за 40 минут. Единственной уступкой народу была повсеместная радиотрансляция в пределах церковной ограды. Можно говорить поэтому об обоюдном согласии государства и иерархии не выпускать слишком торжества за границы этой ограды.

Тем не менее, благодаря средствам массовой информации, и общему подъему празднества Тысячелетия оказали сильное воздействие на советского обывателя. Оглуленный антирелигиозной пропагандой, он, например, понял, что она все время лгала, и с удивлением узнал, что Православие — это не только музейная реликвия, но и живая, глубоко национальная религия, с которой выросла и расцвела Россия. Увидев сидящими рядом с архиереями советских чиновников и услышав их мягкие речи, этот обыватель осознал, хотя и с трудом, что ходить у церковь не опасно, а верующие — это не отстающие и антисоциальные элементы, которых надо сторониться. Результатом был резкий рост крещений почти во всех храмах. Будущее покажет, ответят ли госатеисты на эти «издержки» Тысячелетия или спишут их как неизбежные для новой политики.

Чем же был вызван столь резкий поворот в традиционной государственной политике? Конечно, не одним стремлением нажить чисто пропагандистский капитал в глазах Запада и собственного населения: «Вы вот повсюду трубите, будто Православная Церковь у нас гонима и живет в вавилонском пленении, а на деле все обстоит иначе. Церковь уважаема и свободна, она процветает под защитой государства». Важнейшая причина заключается в том, что партия, осознав экономическую и особенно моральную бездну, перед которой очутилась страна, снова — как в разгар последней войны, в минуту грозной опасности, — вспомнила о резервном ее резерве — миллионах верующих, их патриотических и нравственных устоях.

И снова, как в решающем 1943 году, начала партия заигрывать с ними и церковной иерархией, которой прежде лишь брезгливо помыкала. Тут «перестройка» вполне сгодилась: вынужденный поворот в государственной политике легко объясняли не сугубо конъюнктурными соображениями, положенными в его ос-

нову, а эффектными фразами о коренном пересмотре отношений государства и Церкви, о признании совершенных ошибок и совместном (именно так!) труде во имя общих целей. Последнее утверждение, кстати, раздавалось и после заключения Сталиным конкордата с Церковью, но (о нем) никто не вспомнил, когда через пятнадцать лет чиновники закрывали ежедневно по сотне храмов.

Почуввав леденящее дыхание краха и смуты, атеисты уже во второй раз за полвека своего правления обратились за поддержкой не просто к христианам, а к Православной Церкви, надеясь при ее помощи хоть на какое-то время остановить моральную деградацию, к которой они сами привели народ своей безбожной идеологией. Вот чем объясняется любезность чиновников в дни юбилея, откровенная лезть по адресу утесненной Церкви! Высшее выражение они нашли в «крылатой» фразе Горбачева: «У нас общая история, одно отечество и одно будущее», которую он произнес 29 апреля при встрече с патриархом и членами Синода. Казалось, еще мгновение и будет подписан новый миланский эдикт, где государство, признав свои ошибки и бессилие, снимет с христиан все запреты и ограничения. Возникнет новая «симфония», начнется мирное сосуществование и сотрудничество бывших гонителей и их жертв.

Радостью взыграли сердца некоторых «охранителей»: не зря молча пресмыкалась Церковь перед безбожниками, не напрасно терпела безропотно от них всевозможные издевательства, не зря отвергла «лукавые» призывы держаться независимее. Настал желанный час, и вот без всякой борьбы власти сами пошли навстречу и осыпали подарками, возвратив кое-что из некогда бессовестно отнятого: три монастыря, 68 церквей, некоторые уцелевшие мощи. А что сулят — гуманное законодательство, множество новых храмов, разрешение благотворительности и т. п. Есть от чего голове закружиться и поверить в «единство судеб» и общее дело!

Хотя инициатива в изменении отношений снова пришла от государства, Церковь в лице ее назависимой общественности боролась довольно активно за освобождение от железной хватки госатеистов с помощью протестов, петиций, публикаций и обличений, напоминая им о своей готовности к сопротивлению. Как известно (атеистам тоже), приручить всех архиереев не удалось, несмотря на тщательный их отбор, не говоря уже о приходском духовенстве и мирянах, которые вместе взятые, создавали в Церкви зоны повышенной твердости, из-за чего ее нельзя было все время сгибать, как

угодно.

И это, конечно, сыграло свою роль в пересмотре отношений государства и Церкви, которое следует назвать не только вынужденным отступлением, но и временным тактическим урегулированием, совершенно не затронувшим главной марксистской догмы — социализм надо строить без Бога. Однако поскольку выяснилось, что Бога изгнать из людских душ не удалось, то государству волей-неволей пришлось пойти на компромисс, который, судя по опыту стран народной демократии, хотя и осложнит партийную жизнь, ее монополии на власть никак грозить не будет. Скорее всего принят будет ограниченный «болгарский вариант», при котором сильный государственный контроль сочетается с определенной церковной автономией.

Пока этому мешают существующие юридические нормы, которые были разработаны главным образом для борьбы с религией, а не для сосуществования с ней и потому резко противоречат общепринятым в цивилизованном обществе. Их необходимо привести в соответствие с новой политикой и это, очевидно, будет сделано в подготавливаемом законодательстве, хотя ни в коем случае не следует надеяться, что оно полностью удовлетворит верующих. Пока государство остается официально безбожным, и атеизм — не частное дело граждан, а обязанность для всей номенклатуры и научно-культурного истеблишмента, до тех пор верующие в России ни за что не получат ни равноправия, ни подобающего места в жизни страны. Добиться они его могут только вопреки государственной политике, то есть путем обращения в веру людей во всех слоях общества, дабы в один прекрасный миг правители вдруг увидели, что их со всех сторон окружают христиане. Чем больше будет явных и тайных обращений и, следовательно, спасенных душ, тем влиятельнее будет звучать глас Церкви.

Условия для евангелизации сейчас очень благоприятны. Обезбоженная масса ищет выхода из морального тупика и все чаще с болью вспоминает об утраченной вере, с недоумением и тоской взирает на свое поруганное прошлое и все чаще задается вопросом: зачем и почему? Зачем было отречься от спасительной веры своих предков и по наущению фанатиков-комиссаров в кожаных тужурках и горлопанов-пропагандистов громить храмы, жечь иконы, убивать священников и топтать вековые идеалы? К чему все это привело — к бездушию, цинизму и озлоблению! В чем причина столь страшного ослепления? Ответ один — в безбожном марксизме, которому один поверил, другого поверить заставили, третий не противился и помалкивал. Эксперимент завершен и результат его однозначно отрицателен.

Теперь, когда эта масса постепенно отрезвляется, она — правда, лишь в ее лучшей части — готова принести покаяние и снова вернуться ко Христу. Новые законы, вероятно, дадут Церкви некоторые возможности пойти этим людям навстречу, ибо, если катехизацию не разрешат открыто, то ее, по видимому, и не запретят строго. Следовательно, батюшкам в городе и селе отныне можно будет не просто пересказывать очередное Евангелие, а учить безбоязненно, по-апостольски и призывать прихожан к повсеместной проповеди в миру Слова Божьего. Храму и миру нужны в наши дни люди

апостольского склада, горячие проповедники и бесстрашные катехизаторы. Их время, слава Богу, пришло!

Но как на этот призыв ответит сама Русская Православная Церковь? Готова ли она к новой евангелизации? Ответить на этот вопрос можно, увы, пока отрицательно — не готова. Долгие годы атеистической опеки и муштры привели к тому, что христианское рвение ослабло и почти исчезло из нашей Церкви. Когда оно проявляется, то ему препятствует как иерархия, так и внутренняя самоцензура самих пастырей, среди коих преобладает тип равнодушно-осторожного наемника. Откуда же тогда произойдут новые Павлы и Андреи? Прежде всего из того сравнительно «малого остатка», который чудесным образом уцелел в нашем духовенстве (это от четверти до трети его), и из тех пока слабых и усталых духов, которым более свободная обстановка и пример собратьев придадут больше смелости и решимости. Так, кстати, произошло в общественной жизни во время «перестройки» — нивесть откуда, появились мужественные борцы и отважные критики. В сторону большей активности и инициативы может, под напором снизу, измениться также нынешняя сверхосторожная политика иерархии.

Такая инициатива и активность особенно нужны в главном деле — евангелизации, для которой срочно потребны храмы и возможность вне их проповедовать Слово Божье. Сразу заметим, храм открыть пока очень трудно — атеистическая бюрократия противится этому всеми способами. В прошлом году было открыто всего 16 православных церквей, за пять месяцев этого года — 68, к юбилею к ним прибавилось еще 22, хотя, думается, за этими цифрами в большинстве своем стоят не сами храмы, а зарегистрированные общины. Получив полуразрушенное здание, нужно несколько месяцев или год, чтобы, как-то приведя его в порядок, начать богослужение. Последующий полный ремонт может затянуться — и обычно затягивается — не несколько лет.

Если нынешний темп открытия храмов (точнее общин) сохранится (в чем однако можно серьезно сомневаться), то до конца 1988 года в стране прибавится 200 домов Божьих. Вроде бы впечатляюще, особенно по сравнению с прошлым! Напомним однако, что в хрущевские гонения было закрыто 10.000, а в последующие годы еще 1.500 церквей. Следовательно, потребуется целых 60 (!) лет, чтобы количество храмов достигло послевоенного уровня, когда православных было в стране не меньше, чем сейчас. А чтобы удовлетворить уже поданные заявления о новых храмах, нужно при взятых темпах шесть лет. Вот «перестройка» в фактах!

Особенно велика нужда в храмах в Белороссии и на ее окраинах, ибо почти две трети (4.000) церквей действуют в наши дни на Украине, главным образом Западной, которой не коснулось атеистическое лихолье. Тысячами и тысячами надо открывать, восстанавливать и строить храмы в русских городах и деревнях, откуда молиться приходится ездить не за десятки, а сотни (!) километров. Для них необходимы будут священники, утварь, иконы, что потребует новых семинарий, иконописных и других мастерских. Церкви предстоит кипучая работа, если ее не прервут новые «заморозки» — следствия еще одной захлебнувшейся «перестройки».

Эти рецидивы не исключены, особенно в религиозной политике, где

крайне устойчиво догматическое мышление, ибо религия отнесена к той области идеологии, в которой изменения и эксперименты менее всего допустимы. Вот почему ее гораздо слабее до сих пор затронул общий, медленный и противоречивый процесс демократизации. Никто, например, из так называемых «прорабов перестройки» не потребовал пока отмены обязательного преподавания атеизма или финансирования его исключительно из партийной кассы, никто не призвал дать верующим представительство в органах власти и никто (что самое удивительное!) не поведал подробно о жестоких и длительных на них гонениях.

«Известны незаконные репрессии в отношении многих священнослужителей... В этом отношении представители Церкви разделили судьбу своих сограждан. Игнорирование законов нашего государства о религии привело к прекращению жизнедеятельности многих и многих общин» — так обтекаемо и сверхдипломатично высказался об этих гонениях сам патриарх. Затем эту лживую формулировку повторяли все иерархи и вкуче с ними атеисты. Выходит, не было особого гонения на верующих с самых первых месяцев советской власти, а они лишь разделили судьбу всего народа? Не было жестоких антирелигиозных законов, а храмы закрывали в нарушение их? И это в пору «гласности», когда сами коммунисты вспоминают о своих мучениках сталинского террора! Долго ли Русская Православная Церковь будет покрывать страшные преступления атеистов и бояться полной и открытой правды? От этой правды зависит сейчас многое в доверии к ней.

Как было сказано, атеисты ныне нуждаются в Русской Православной Церкви для выхода из острейшего кризиса. Должна ли Церковь снова, как 45 лет назад, поверить им, чтобы, после того как она поможет, снова подвергнуться гонению? Или лучше поступить по-нищенски: «Падающего толкни!», дабы быстрее рухнул мучительный для страны режим? Ведь ясно, что, едва отойдя от бездны, безбожники постараются лишить верующих ими уступленного ради своего спасения, ибо сутью социализма всегда было принципиальное богоборчество. Но Христова Церковь не может покинуть страну и народ в беде, даже если до беды этой их довели ее непримиримые враги, и потому она сделает все, чтобы не дать произойти национальной катастрофе. Как милосердный самарянин, Церковь поможет (страждущему народу а не партии и атеистической власти), не выдвигая при этом никаких условий.

Не выдвигая никаких условий, Церковь однако должна потребовать для себя твердых гарантий от возможных новых притеснений в соответствии с политикой создания в СССР (на 70-м году!) правового государства. Эти гарантии должны войти как в религиозное законодательство, так и в конституцию и дать Церкви юридическую неприкосновенность от атеистического произвола. Должны быть также изменены структура и функции Совета по делам религии — в него должны войти представители духовенства и мирян, и вся работа Совета должна предаваться гласности. Кроме того, верующие должны выбираться во все органы местной и высшей власти (как это давно делается в странах народной демократии), иметь право на разного рода объединения, которые бы действовали независимо от контроля функционеров-атеистов.

Для Русской Православной Церкви «перестройка» — это вызов и призыв. Вызов ее вынужденной забитости и добровольному сервилитизму и призыв к большому мужеству, дерзанию и независимости. Нынешний шанс — гораздо больше, чем в 1943 году и в послевоенный период, когда в стране царила суровая диктатура и народ еще не изжил сладкой мечты о коммунизме. Будет непросчитанной ошибкой не воспользоваться этой благоприятной обстановкой или воспользоваться ею лишь в пределах, установленных атеистической властью. Бояться решимости — нелепо, ибо сама обстановка призывает к ней.

Бояться надо иного — чрезмерного упоения новой политикой как долгожданным «прозрением» безбожников, бояться надо национал-большевизмского соблазна, при котором рукой подать до лозунга: «Народ, партия и церковь едины в деле построения светлого будущего». Бояться надо за задачами политического момента забыть Христов завет о спасении всякой души человеческой, забыть о евангелизации заблудшей части народа. Для Церкви время голгофских страстей и воскресения из тьмы — позади, наступает, вероятно время Пятидесятницы, окрыленности св. Духом и благовестия на стогнах и площадях.

Приступая к этому, Русской Православной Церкви следует помыслить и избавиться от недугов, приобретенных за долгие годы «вавилонского плена», ибо иначе ее высокий моральный авторитет через непродолжительное время начнет меркнуть. Сейчас вокруг духовенства советский обыватель создал некий ореол святости, причина которого — незнание истинного положения вещей и стремление к идеалу. Разочарование — неизбежно, и оно будет сокрушительным, если иерархия не предпримет нужные меры по нравственному совершенствованию подчиненных ей пастырей, на которых в грядущие годы народ будет взирать внимательнее и требовательнее.

Вызов и призыв в эти дни обращен не только к Церкви, но и к активной чате мирян, которая именует себя церковной общественностью. Долго и с определенным правом считала она себя единственным независимым представителем всей Церкви, бестрепетно говорящим истину и обличающим ложь. Однако теперь, когда эту правду будет высказывать некогда безгласное и молчаливое духовенство, монополия церковной общности станет постепенно уменьшаться к вящему раздражению некоторых ее лидеров, которые относятся к правде как собственной пожизненной привилегии. По мере расширения гласности перед этой общественностью рано или поздно встанет дилемма — помогать ли иерархии исцелять немощи церковного организма или занять резко нигилистическую позицию, когда недовольство делается привычкой, а принципиальность — отказом от всякой совместной работы.

Будут ли найдены пути к плодотворному сотрудничеству в действительно общем деле или верх возьмут взаимное озлобление, обида и гордость? Испытание предстоит очень серьезное и от его результата будет отчасти зависеть: сохранится ли и дальше пагубный разлад между Церковью и частью православной интеллигенции, который в свое время облегчил победу и укрепление в стране разрушительного для нее строя. Пока что обе стороны, к сожалению, относятся друг к другу с

большим недоверием и подозрительностью, обмениваясь обвинениями и выпадами.

Есть еще одна часть церковной интеллигенции, которая усматривает для себя опасность в изменении обстановки к лучшему. Это — глубоко православные люди, благочестивые и опытные, которые однако относятся к Церкви как своей вотчине, куда вход новичкам и чужакам воспрещен, ибо они нарушают существующую в ней «духовную атмосферу». Для таких людей осадное положение Церкви — великое благо, так как оно отпугивает нерешительных и слабых, а снятие осады — печальное событие, которое только расширяет «царство кесаря». Подобный церковный эгоизм — разновидность фарисейства, опасен тем, что прикрывается искренней заботой о чистоте Церкви и исповедуется некоторыми очень достойными интеллигентами.

В последние годы, когда в советском обществе необычайно усилилась поляризация и возникло два лагеря (противоборствующих друг с другом), — либеральный и национальный, отражающие прежнее деление на западников и славянофилов, явно пополам раскололась и сама церковная общечеловечность. Одна, либеральная часть, стоит за осторожное повторение обновленческого эксперимента, другая, национальная, — за неукоснительное сохранение православных традиций и исторических обычаев народа, только при бережном их учете допуская нововведения. На стороне этой части стоит большая часть духовенства и мирян, что в будущем, по-видимому, повлияет на позицию иерархии, когда перед ней встанет вопрос, на кого опереться в бурно формирующемся общественном мнении. При таком развитии либерально-прозападное крыло снова останется в оппозиции, но уже не только к патриархии, но и к почвеннической интеллигенции, которая набирает силу благодаря росту неоконсервативных настроений.

Почвенникам, которых опосредованно поддерживает мощное национально-патриотическое течение, предстоит, очевидно, в предстоящие годы важная работа среди мирян, потому что без них самой Церкви будет трудно ориентироваться и обойтись. Эти люди могут стать хорошими помощниками и советниками, ибо к Церкви относятся с большей добротой и пониманием, чем либеральный лагерь, хотя скорбят и порой беспристрастно свидетельствуют о ее недостатках. Страстно желая выздоровления и укрепления церковного организма, а не новых в нем раздоров, они более склонны к компромиссу ради его блага и нравственного возрождения всего народа.

В отличие от предшествующих времен, сама власть сейчас не заинтересована во внутрицерковных распрях, так как ее задачам отвечает единая и авторитетная Церковь. Вот почему Горбачев, встречаясь с патриархом, вспомнил об одном Отечестве, одном прошлом и одном будущем. Хотя Отечество у нас, конечно, одно, но понятия о нем совсем разные. Для Церкви и верующих оно — святая Русь и дом Богородицы, чающий вечного спасения, для коммунистов — обширная территория, где строится некий «социализм», и мощная сила, которой можно грозить миру.

А прошлое у нас уж совсем разное, как по длительности, так и по смыслу. Разве можно сравнить десять веков и 70 лет, сравнить созидательную работу Церкви с разрушительным ураганом коммунистической

идеологии, сравнить основанную на христианских началах мировую культуру с нынешним ее ширпотребным эрзацем? Одно ли прошлое у гонителей и жертв, мучеников и палачей? Если христиане жили в одно время со своими гонителями и молятся за них, это не означает, что они во времени одно целое.

Не может быть и одного будущего у православного народа и атеистической власти. У народа и Церкви, взыскующих града Небесного, и богоборческой системы, все еще мечтающей о земном рае. У христиан, чья задача быть совершенными, как их Небесный Отец, и атеистов, стремящихся превратить человека в послушное орудие государственной машины. Конечно, у Церкви и государства атеистов есть и будут отдельные общие цели: сохранение мира, среды обитания, забота об общественно полезном труде, но они радикально, как известно, расходятся в главном — смысле жизни и назначении человека.

Вот почему совестливый христианин не может всецело содействовать развитию общества, одна из конечных целей которого — полное устранение самого христианина из общества. И «радости и успехи» такого общества можно разделять только тогда, когда они не подрывают заповеди Христовы и не достигнуты за счет их нарушения. По этой причине между Русской Православной Церковью и нынешним строем возможно только сосуществование и частичное сотрудничество, а не полное доверие и взаимопонимание. Марксизм в минуты опасности может пойти на временные уступки, но никогда, не подрывая себя, не согласится изменить своим богоборческим принципам. Так что глупо принимать эти вынужденные уступки за кардинальную перемену; ими следует лишь умело воспользоваться для укрепления Церкви, которой предстоит вернуть миллионы людей ко Христу, от Которого они отвернулись по своей или чужой злой воле.

Вступив во второе тысячелетие своего исторического бытия и евангельского служения, Церковь наша по Божьей милости получила определенную надежду на более свободное и цельное развитие, на выход из изоляции, в которой она вынуждена была долго пребывать в обществе. Это дает больше возможностей, но и налагает больше обязанностей. Чтобы мудро воспользоваться первыми и нелегко исполнить вторые, есть у нас единственный путь — с сердечным сокрушением просить у Христа Спасителя прощение великих согрешений и заблуждений, чтобы Он, очистив нас, вразумил, просветил и наставил в деле спасения самих себя и всего нашего многострадального народа.

Будем смиренно молить об этом Матерь Божию, Которая никогда не оставляла Россию без Своего милостивого Покрова, будем просить Крестителя нашего Отечества — Св. равноапостольного Князя Владимира, и всех прежних и новых русских святых, дабы по их ходатайству перед Престолом Всевышнего вновь зазвучала по стране громко и благой вестью: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19) и в ответ раздалось: «Ей гряди, Господи».

17 июля 1988 года.
Память венценосных
Новомучеников

КИРИЛЛ ГОЛОВИН
(Москва)

Б. ГАСАН

ТРЕХЦВЕТНЫЙ ФЛАГ В ГОРАХ ПАТАГОНИИ

Выступая недавно в ньюйоркском обществе «Отрада» Игорь Огурцов призывал русскую эмиграцию не опускать руки сейчас, когда предстоит «последняя мобилизация». Иной скажет, слишком многого требует Игорь Вячеславович от людей 70 лет оторванных от родины, вряд ли у них еще остался порох. Ан нет! О том, что пороховницы еще не опорожнились свидетельствует например небывалое явление в Кордильерах Патагонии. Там, за последние два-три года возник микроцентр русского рассеяния. В городе Барилоче, в аргентинских Андах, на берегу сверкающего своей первозданной, царственной красотой озера Науэль Уапи родилась колония русских белых эмигрантов. Разрозненные дотоле русские люди почувствовали необходимость стать ближе к деяниям и судьбам предков, они несмотря на долгие годы пребывания в иностранной среде постигли свою ответственность и решили в общем ряду местных жителей занять свое национальное место.

«Мы стали бояться, что наши дети ассимилируются», рассказывает председатель русской колонии в Барилоче Дмитрий Сергеевич Иванов. «Разговаривая с ними, мы выяснили, что они безразличны к своей национальной принадлежности, потому что мы не сумели передать им национальную гордость, этот исключи-

народных костюмах. Бело-сине-красное знамя стало появляться в аришах расклеенных на улицах города, ему отдают честь — наряду с другими — проходящие церемониальным маршем аргентинские войска, оно развивается на сцене зала где имеет место самый крупный годовой праздник Патагонии — «Fiesta de las Colectividades», на которой русский стэнд — искусно оборудованная избушка — выгодно отличается от других.

Отметила русская колония в Барилоче и Тысячелетие Крещения Руси. Отметила актом на площади города, на котором присутствовали представители аргентинской армии и — в полном составе — Муниципальный Совет Барилоче, а его председатель, д-р Фернандес поднимал русский флаг. После этого, Д. С. Иванов рассказал о крещении Руси, подчеркнул насколько православие повлияло как на ход русской истории, так и на создание русской культуры. Православие неотделимо от России, указал Д. С. Иванов, оно присутствует фактически во всех проявлениях русской исторической жизни, оно помогло перенести татарское иго и оно также поможет изжить иго советское, которое породило героев и святых — миллионы мучеников за веру. Национальное радио и канал телевидения города Барилоче транслировали полностью

тельно важный источник притяжения к родине, без которого невозможно испытать ни ту светлую радость, ни ту сладчайшую тоску, которые связывают нас с родной землей».

«Если мы говорим, что мы русские, нас принимают то за евреев, то за поляков, то за коммунистов», жаловались дети. И вот, их родители решили рядом систематических публичных выступлений выявить свое национальное лицо. Была официально создана русская колония в Барилоче и, как таковая, она влилась в общественную жизнь этого крупного зимнего курорта международного масштаба.

Наряду с другими европейскими колониями, белые русские начали участвовать во всех местных официальных актах, спортивных состязаниях и парадах, всегда неизменно с трехцветным флагом и в русских

речь председателя русской колонии.

Надо еще отметить, что усилиями русских в Барилоче там строится церковь в честь Св. Владимира, на участке пожертвованном питомцем Омского Кадетского Корпуса Константином Николаевичем Фадеевым. Для духовного окормления паствы в последние годы бывали наездами в этих краях протоиерей Сергей Иванов и Валентин Ивашевич из Буэнос-Айреса и архимандрит Веньямин (Вознюк) из Чили.

Как бы былинная живая вода коснулась русских белых эмигрантов в Патагонии, возвращая их в образ, дух и смысл свой, в свое неизменное назначение: сохранять верность России из поколения в поколение.

Б. ГАСАН

БИБЛИОГРАФИЯ

"Владимир Мономах и Гита Гарольдовна". И. Автомонов (США, 1988)

"Лишь тем, кто любит Русь-Россию, кто ценит прошлое ее". Так посвящает свою новую поэму "Владимир Мономах и Гита Гарольдовна" Игорь Автомонов, автор поэмы "Рогнеда". Обе поэмы дополняют друг друга и составляют как сам автор их называет "двулогию". Поэмы эти "Русью дышат". Старая Русь отличалась богатством исторических событий, талант у Автомонова несомненный и мы надеемся в будущем прочесть и третью поэму.

Прекрасно, со вкусом изданная поэма в 238 страниц с художественными гравюрами в старом русском стиле, переносит нас во времена после смерти св. Владимира (1015 год) и до смерти Владимира Мономаха (1125 год), когда развивалась и крепла свежекрещенная Русь, опираясь на княжескую власть и веру христианскую. Перед нами оживают князя Ярослав, Владимир Ярославлевич, Ростислав, Всеволод Ярославлевич и другие.

Также автор на том же отрезке времени параллельно знакомит нас с правителями англо-саксонской династии, Гарольдом II, королем Англии и отцом Гиты Гарольдовны, будущей жены Владимира Мономаха. Гарольд II гибнет в бою с норманом Вильгельмом Завоевателем, который становится королем Англии, династия которого царствует до нашего времени.

Исторические события подтверж-

даются фактами и ссылкой на историков и летописцев, фактажи в поэме нет, все — быль. Детально описаны малоизвестные события и бои, зарождение монастырей в первый век после принятия христианства, таких как Киево-Печерский, который был гнездом распространения культуры и письменности на Руси. Весьма интересны биографии летописца преподобного Нестора, св. Антония и его рассказы иноку — будущему св. Феодосию. На протяжении всей поэмы чувствуется религиозная нить связывающая правителей Руси с Церковью.

В литературном отношении поэма написана хорошим русским языком с большим количеством слов и изречений славянского происхождения, что придает поэме летописный характер. Захватывают исторические темы, описание природы, русского быта, боев и смерти с молитвой на устах, удачно схвачен дух и образ древне-русского человека, будь он воин или князь. Вся поэма пропитана исконно русским духом и читается с большим интересом, автор умело справился с тяжелым заданием.

Надо отметить, что впервые в русской литературе описаны бой под Гастингсом (по ритму "Бородина"), генеральное сражение и победа русских дружин над половцами (1111 год) и первая морская победа русского флота.

Надо отметить, что впервые в русской литературе описаны бой под Гастингсом (по ритму "Бородина"), генеральное сражение и победа русских дружин над половцами (1111 год) и первая морская победа русского флота.

Также впервые дано поэтическое описание "Почтения Владимира Мономаха детям" и письмо двоюродному брату Олегу.

Поэма эта большой и достойный вклад в русскую литературу и как нельзя лучше приурочена к году Крещения Руси.

А. Алферов

В воскресенье 11 декабря 1988 года, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова, после Божественной литургии, будет отслужен благодарственный молебен с многолетием по поводу 70-летия

АЛЕКСАНДРА ИСАЕВИЧА СОЛЖЕНИЦЫНА

По случаю исполнившегося 18-го сентября с. г. 40-летия со дня основания «Нашей Страны» и выпуска 3-го декабря с. г. 2000-го номера газеты будет отслужен

БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН

в воскресенье 4-го декабря, после Божественной литургии, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова (Нуньес 3541, Буэнос Айрес).

Волею Божией 12 ноября 1988 года на 75-ом году жизни скоропостижно скончалась

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА СВИДИНА

о чем с прискорбием сообщают дочери и родственники покойной

Вышла из печати поэма

«ВЛАДИМИР МОНОМАХ И ГИТА ГАРОЛЬДОВНА»

(238 стр.). Заказывать у автора:

Mr. Igor Awtonow, 234 S. Kingsley Dr.,
Los Angeles CA, 90004, USA.

Стоимость для Аргентины 12 долларов с пересылкой. Также находится в продаже поэма «Рогнеда» и сборник повестей «По дорогам».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП

Как это предсказывали опросы населения до выборов, сорок первым президентом США был избран кандидат республиканской партии Джордж Буш. Он получил 26,14 % голосов избирателей, в то время как кандидат демократической партии Майкель Дукакис получил 22,26 % голосов. 51,60 % избирателей воздержались от подачи голоса. Буш первый после 1836 года вице-президент, который был избран в президенты. В действительности, на выборах от 8 октября голосование происходило не за кандидатов от этих двух партий, а за их избирателей по штатам, так как авторы конституции США считали, что народ сам по себе не в состоянии выбрать президента. Однако, это предписание обходится тем, что кандидаты в избиратели заранее обязываются голосовать за того или иного кандидата в президенты. Буш выиграл в 40 штатах, с 426-ю избирателями, а Дукакис выиграл в 10 штатах, с 112-ю избирателями. Однако, на происшедших одновременно выборах в конгресс, демократическая партия не только смогла сохранить свой прежний перевес, но и увеличить его немного. В сенате демократы будут иметь 55 сенаторов (54), а республиканцы 45 (46). В палате представителей демократы будут иметь 262 представителя (260), а республиканцы 173 (раньше 175).

Как отмечает большинство политических комментаторов, своей победой Буш обязан главным образом президенту Рейгану, который за своих два периода смог добиться трех основных результатов: улучшения экономического положения, усиления военной мощи и начала разоружения двух сверхсил. Уже после самих выборов, стали известными последние показатели экономического развития США. Продолжают увеличиваться экономический рост и промышленная деятельность, при одновременном снижении безработицы. Даже внешне-торговый дефицит снизился в сентябре на 15 %, упав до 10.460 миллионов долларов с 12.270 миллионов в августе.

Однако, несмотря на эти положительные экономические показатели, и на несомненное предпочтение финансовым миром США кандидата республиканской партии, финансовые рынки реагировали на результаты выборов неожиданным падением цен на нью-йоркской бирже и понижением курса доллара по отношению к японскому йену, немецкой марке и швейцарскому франку. Вернее, это даже не реакция на выборы, а просто предупреждение и даже до некоторой степени требование необходимости принятия срочных и энергичных мер для снижения двух дефицитов "близнецов": дефицита внешнеторгового баланса и дефицита государственного бюджета США. В "Политических перспективах" в "Нашей Стране" # 1758, от 7 апреля 1984 года, указывалось на связь между этими двумя дефицитами, так как для финансирования

своего государственного дефицита США привлекают иностранные капиталы путем больших процентов. Это, в свою очередь, вызывает повышение курса доллара, что затем ведет к увеличению импорта и снижению экспорта. Тогда мы уже писали, что "такое положение не может продолжаться бесконечно".

Почти одновременно стало известно, что в СССР тоже имеется значительный дефицит государственного бюджета. Министр финансов Борис Гостев признал, что вот уже в течение 10 лет существует этот дефицит, причем в середине этого десятилетия он был "критически большим". Таким образом имелись налицо серьезные объективные показатели хронического кризиса всего хозяйства СССР уже около 10 лет тому назад, только эти показатели скрывались. Как уже писалось в "Нашей Стране", в середине этого десятилетия произошло ухудшение этого положения, причем результаты этого ухудшения аккумулируются, в следствие чего можно ожидать в недалеком будущем полный коллапс теперешней системы.

Бюджет СССР на 1989 год, недавно утвержденный Верховным Советом, предвидит дефицит в 34.000 миллионов рублей, что является почти 7 % всей бюджетной суммы в 494.000 миллионов рублей. Это первый раз, что в бюджете СССР открыто показывается дефицит. Однако, некоторые западные специалисты считают, что в действительности этот дефицит гораздо больше, и даже может достигнуть от 65.000 до 75.000 миллионов рублей. Как видно, остались далеко позади бюджеты времен Императора Николая II, когда не только не было никаких дефицитов, но даже достигались положительные сальдо в бюджете, при одновременном росте экономики и жизненном уровне не отступающем от стран Западной Европы и США.

Французский мыслитель Гий Сорман во время своего посещения Аргентины в мае с. г. заявил, что суть тогдашней встречи на верхах между Рейганом и Горбачевым заключалась не в разоружении, а в помощи Запада Советскому Союзу. Он заявил, что США находятся перед трудной проблемой: если они не будут содействовать капиталовложениям в СССР, вся их политика соглашения с Горбачевым окажется под угрозой. Но, с другой стороны, если они будут содействовать этим капиталовложениям, они могут завтра оказаться перед еще более сильным противником. Теперь, после того, как западногерманский канцлер Гельмут Кольт посетил СССР, стало известно, что ФРГ предоставит СССР кредиты и капиталовложения в сумме 3.200 миллионов долларов. Италия предоставит 775 миллионов долларов. А все Европейское Содружество около 9.000 миллионов долларов. По подсчетам некоторых специалистов, СССР может получить от Запада до 1990 года около 15.000 миллионов долларов. Внешний долг СССР поднялся к концу 1987 года до 38.000 миллионов долларов, с 22.500 миллионов долларов в конце 1985 года.

П. Н.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует Ред. коллегия. Адрес: М. Киреев, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires. Телефон: 544-0530. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экземпляр: Австралия - 0.80 ам. долл.; Германия - 1.80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0.80 ам. долл.; Аргентина - 5.00 австр. В остальных странах - 0.80 ам. долл. Цена объявления: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Банковские переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

"NASHA STRANA" - "NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Fundado 18.9.1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs.As.

Correo Argentino
Sucursal 30 (B)

Franqueo pagado. Conces. No. 4233
Interes General. Conces. No. 3980